

Российская академия наук
Институт экономики

Ю.П. Павленко

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

Москва
Институт экономики
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Практика и проблемы социального государства	4
1.1.1. Понятие и состояние	4
1.1.2. Механизмы торможения	10
1.1.3. Преодоление неравенства: опыт США	12
Глава 2. Экономика знаний	16
2.1. Научный и человеческий потенциалы	16
2.2. Новые производственные отношения	19
2.3. Социально-гуманитарные аспекты	20
Глава 3. Формы социального государства	23
3.1. Концепции	23
3.2. Модели	24
3.3. Институты	28
3.4. «Пекинский «консенсус»	30
Заключение	32
Литература	34

Введение

Проблематика социального государства или государства всеобщего благосостояния (welfare state) носит достаточно обширный, комплексный и противоречивый характер. Социальное государство – объект исследования многочисленных ученых отечественных и зарубежных, использующих различные методологические подходы и акцентирующие внимание на различных аспектах проблемы.

Актуализация данной проблематики во многом определяется состоянием современного социального государства, которое часто определяется как кризисное. Вместе с тем социальное государство как социальный феномен в современных условиях выступает в качестве важнейшей характеристики самого государства, неотъемлемой частью его экономического и социального благополучия. Данное обстоятельство определяется ростом роли и значения государства в экономике и обществе. Все чаще современное состояние государства, учитывая растущие масштабы его функций, определяется как государственный патернализм. Именно данное обстоятельство во многом определяет долгосрочные тренды в развитии современного государства.

Политэкономический подход объединяет экономику, государство и общество как элементы целого в их взаимодействии и развитии. Исследование опирается на положение, что развитие социального государства невозможно отделить от развития, эволюции производственных отношений. Также мы исходим из того положения, что производственные отношения во многом сами опираются на воспроизводственный фактор, определяются и соотносятся с научно-техническим развитием, с тем, что получило название «экономика знаний» или инновационная экономика. Наконец существенное воздействие на социальное государство оказывает человеческий фактор, человеческий потенциал, как через экономику, в качестве определяющей части экономического потенциала страны, так и через гражданское общество, субъектом которого все чаще выступает «человек культурный» во всей совокупности его культурно-исторического своеобразия.

Работа состоит из трех логически связанных частей. В первой части рассматривается состояние социального государства, некоторые кризисные явления, включая механизм торможения и проблемы роста социального неравенства. Вторая часть посвящена воспроизводственным аспектам, лежащим в основе развития социального государства. Речь идет об экономике знаний как основы создания материальной базы благосостояния. Экономика знаний формирует новые производственные отношения, в том числе, по мнению некоторых специалистов, выходящие за социальные рамки наемного труда. Здесь же рассматриваются социально гуманитарные аспекты социального государства, включая использование категории социального гражданства, гражданского общества, а также новых форм демократии.

В третьей части работы, носящей аналитико-методологический характер, последовательно рассматриваются методологические подходы к представлению и анализу социального государства. Дается классификация и описание реально-функционирующих его моделей. Предлагается концептуально-аналитический подход, базирующийся на «привязке» представленных макроформ властных отношений в экономических системах к моделям социального государства. Речь идет о неолиберальной, консервативно-компаративистской и социал-демократической моделях. Тем самым предложен своеобразный методологический, институциональный каркас для дальнейшего изучения эволюции социального государства на основе институционального взаимодействия его основных элементов: собственно государства, экономики и гражданского общества.

Глава 1. Практика и проблемы социального государства

1.1. Понятие и состояние

Социальное государство или государство всеобщего благосостояния (welfare state) – вариант, традиционно принятый в англоязычных странах, понятие, получившее широкое распространение в 40-е годы прошлого века для обозначения ситуации, при которой государство несет основную ответствен-

ность за обеспечение минимального уровня жизни посредством системы социального обеспечения, предоставляющей услуги и материальные блага для удовлетворения базовых потребностей в жилье, медицинском обслуживании, образовании и финансах. В более поздние годы, начиная с 80-х годов 20 века, бюджетные кризисы, а также влияние идеологии неолиберализма и идей новых правых подвигли многие правительства к глубоким преобразованиям социального государства (*A Dictionary*, 1998. P.702).

Любопытно, что Уильям Беверидж (William Beveridge) - социальный реформатор, который считается отцом британского социального государства не использовал термин «государство всеобщего благосостояния» (welfare state), считая, что он подразумевает «что-то даром». Такое государство совершенно расходилось с его подчеркиванием важности вклада самого работника, его добровольных усилий и личной ответственности. Т. Х. Маршалл (Т. Н. Marshall) - теоретик государства всеобщего благосостояния, автор концепции социального гражданства также настойчиво избегал этого термина (*Garland*, 2016. P. 27).

Строго говоря понятие «социальное государство» (Sozialstaat) впервые в научной литературе появилось в середине XIX в. в трудах немецких ученых под влиянием философии Гегеля, а также в результате анализа развития капитализма и классовой борьбы в Германии. Речь шла о попытке найти и определить место и роль государства в регулировании справедливого распределения дохода между трудом и капиталом, в восстановлении равенства и свободы граждан, в обеспечении социальной солидарности в обществе, о заботе имущих и работающих о неимущих и не работающих, в осуществлении экономического и общественного прогресса для всех членов государства.

Концепция социального государства утвердилась в Западной Европе под влиянием двух основных факторов: как один из результатов Второй мировой войны и как проявление разочарования в либеральной модели управления экономикой. После Второй мировой войны начался качественно новый этап в развитии теории социального государства — возведение ее положений

в конституционные нормы в ряде европейских стран: Конституция ФРГ в 1949 г. провозгласила Германию «демократическим и социальным федеральным государством»; с 1958 г., согласно французской конституции, «Франция является неделимой, светской, социальной, демократической Республикой»; с 1978 г. Испания по Конституции стала «правовым, демократическим, социальным государством». По такому же пути пошел ряд бывших социалистических стран Восточной Европы. Россия, в 1993 г. в статье 7 Конституции провозгласила, что: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (Гриценко, 2005. С. 550-553).

Говоря о современном состоянии социального государства и тех вызовах, перед которыми оно находится, следует вспомнить о его несомненных достижениях и положительном вкладе, который оно внесло в общественное развитие. В экономической области речь может идти о внедрении и отстаивании ценностей и стандартов, связанных с воспроизводством рабочей силы и, соответственно, человеческого потенциала. Это позволило обеспечить резкое повышение качества трудового потенциала и в целом роли фактора труда, как важнейшего условия роста общественного производства. В социальной сфере социальное государство способствовало ограничению чрезмерного неравенства в области распределения доходов, улучшения жилищных условий, доступности здравоохранения и образования, что, в конечном счете, послужило основой социальной стабильности в обществе (Галкин, 2010. С. 26-28).

Основанное на взаимообусловленности социального и экономического развития, а также на политической стабильности, социальное государство на сегодня оказывается достаточно устойчивым феноменом. Одним из ярких примеров такого социального государства служит Германия, где по некоторым оценкам 41% граждан, имеющих на выборах право голоса, получают преобладающую часть своего дохода в форме трансфертов от государства (Sinn, 2005. S. 192).

При этом, согласно опросам, большая часть (причем далеко не только среди упомянутых выше 41%) населения ФРГ довольна существующей системой социального рыночного хозяйства и не склонна к радикальным переменам в сторону ее выхолащивания, даже если такие перемены смогут поднять страну на несколько ступенек в мировом рейтинге конкурентоспособности. (*Германия, 2009. С. 528-529*).

Несмотря в целом на положительное отношение к социальному государству, начиная с 80-х годов прошлого века наблюдаются кризисные явления в его функционировании. Непосредственное свое отражение они находят на рынке труда, на поведении его участников. Наблюдаются изменения в сфере труда, помимо прочего, предполагающие ограничение индексации заработной платы, децентрализацию коллективных переговоров, а также меры по увеличению гибкости занятости, многие из которых не столько генерируют создание рабочих мест, сколько способствуют росту «неустойчивости» рынка труда и стагнации трудовых доходов. Наконец внедряется режим «социальной экономии», отказ от распространения патерналистской активности государства на всех членов общества и переход к государству участия (*Шестакова, 2019. С. 105*). Перечисленные процессы негативно отражаются на социальной стабильности и интеграции общества.

Распространенная сегодня практика рынка труда как сегментированного (дуального) является, по мнению некоторых экспертов, вызовом неоклассической теории. Различные концепции сегментированного рынка труда (СРТ) подчеркивая его фрагментацию отдают приоритет институциональным и социальным объяснениям формирования заработной платы и занятости по отношению к действию сил спроса и предложения. Согласно им, дифференциация в заработной плате не столько отражает различия в знаниях и умениях работников (в накопленном ими человеческом капитале), сколько является следствием фрагментированной (сегментированной) структуры рынка труда и связанных с этим различий в механизмах зарплатообразования (*В тени, 2014. С. 14*). Подобная ситуация объективно служит вызовом социальному

государству, его неспособности в его нынешнем состоянии, обеспечить соответствие трудового вклада работников их вознаграждению.

Неустойчивая ситуация на рынке труда отражается на поведении его участников. Так на вопрос об их профессиональных целях в 2014 году треть всех немецких студентов университетов ответили, что ищут надежную позицию в государственной службе. По их словам, больше всего на свете они стремились к стабильности и безопасности. Новые, новаторские профессии, рискованные стартапы и независимые творческая деятельность потеряли привлекательность для многих студентов. И напротив, государственная служба представляется им одной из немногих сфер, в котором могут быть обеспечены стабильная занятость, безопасность и предсказуемый социальный рост. Подобные настроения, как отмечают немецкие эксперты, отражают состояние общества, в котором присутствует коллективный страх «нисходящей мобильности» (*Nachtwey, 2018. P. 7*).

Кризис идеологии социального государства пришелся на конец 1970 – начало 1980-х годов, когда возобладали идеи и практическая политика неоконсервативной революции, тэтчеризм и рейганомика. Среди причин данного тренда отмечается разрастание и бюрократизация государственного аппарата, критическое нарастание социального пузыря – расходов государственных бюджетов на социальные нужды, которые не просто стимулировали рост налоговой нагрузки на государство, бизнес, самих граждан, внесли свой вклад в развитие стагфляции, но, в принципе, пришли в объективный конфликт с системой мотивации к труду, экономических стимулов к росту производительности (*Осадчая, 2001. С. 55*).

Процессы глобализации экономической жизни, диктуют принятие более или менее унифицированной модели социально-экономической политики. Ее характер во многом определяется США, обладающими соответствующими рычагами влияния (доминирующее положение американских транснациональных корпораций и банков на мировых рынках, ключевые позиции в МВФ и Всемирном банке, способность навязывать свою позицию странам

ОЭСР и т.д.). В условиях, когда в Соединенных Штатах у власти стояли неоконсерваторы, приверженцы ортодоксии свободного рынка и сокращения роли государства в экономике (в первую очередь, за счет свертывания социальных программ), остальные страны Запада, хотя и с определенными модификациями, начали двигаться сходным курсом (*Загладин, 2010. С. 21*). Сюда же следует отнести фактор усиления конкуренции на мировых рынках, связанный с появлением на них новых игроков в лице прежде всего Китая и других стран Восточной Азии.

Кроме того, новые острые проблемы поставил перед социальным государством мировой экономический кризис 2008-2010 гг. По сути, с ним связывают сразу несколько, наложившихся друг на друга кризисов. Во-первых, это, очередной циклический кризис, который назревал уже длительное время и несколько задержался ввиду ряда обстоятельств. Во-вторых, кризис, отражающий экономические перемены более фундаментального характера, обусловленные назревшей сменой технологической базы производства, порожденной научно-технологическим прогрессом. Такие перемены обычно связывают с Кондратьевскими циклами. В-третьих, кризис, обусловленный специфическим развитием мировой экономики в русле ее финансиализации и всемерного использования информационных технологий. Последние обстоятельства способствовали тому, что финансовый сегмент мировой экономической системы, призванный, в первую очередь, обслуживать реальное производство оторвался от ее материальной основы.

Некоторые специалисты указывают также на наличие, назревавшего на протяжении ряда послевоенных десятилетий ценностного кризиса и связывают его со сменой глубинной парадигмы развития общества, при которой материальные факторы при всей их значимости отступают на второй план по сравнению с нематериальными (*Галкин, 2010. С. 35*).

Перед лицом отмеченных вызовов и угроз современное социальное государство переживает кризис политической идентичности. Суть его в том, что в политическом спектре развитых стран Европы все труднее отличить

политические установки и практику социал-демократических партий от центристских партий либерального и консервативного толка (*Gluckstein, 2016*). Одним из условий такого положения явилась своеобразная конвергенция, состоящая в постепенном сближении позиций социал-демократического и традиционного правоцентристского реформизмов, и послужившая одной из основ теории и практики социального государства. Такой конвергентный процесс, по мнению многих специалистов, создал сложное образование, не являющееся ни классическим капитализмом, ни ортодоксальным социализмом, но впитавшее в себя всё лучшее из идейного багажа обеих социальных систем (*Храмцов, 2010. С. 68*).

Здесь возможно следует согласиться с мнением, высказанным, французскими экономистами, сторонниками институциональной политэкономии о том, что хорошей реформой следует считать ту реформу, которую никто (включая даже политических противников, выигравших последующие выборы) не хочет ликвидировать после ее воплощения (*Буайе, Бруссо, Кайе, Фавро, 2008*). Тем не менее нельзя не отметить то обстоятельство, что наличие социального государства не смогло предотвратить, отмеченные выше кризисные явления.

1.2. Механизмы торможения

Очевидно, существуют глубинные причины кризисных явлений, среди которых прежде всего хотелось бы обратить внимание на воспроизводственный фактор, ведущий, в частности, к росту социального неравенства. Ссылаясь на известного немецкого социолога Роберта Курца, (*R. Kurz*) Ф. Джеймисон отмечает, что ситуация в мировой экономике характеризуется тем, что в период позднего капитализма оказалась утраченной его способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле, посредством индустриализации и капиталовложений как это было в предыдущий период (*Джеймисон, 2005. С. 214*).

Одновременно с производством происходят изменения и в социально-экономической структуре. Отмечая, что в развитых странах едва ли не более половины экономически активного населения заняты в финансах, охране и развлечениях, П. Ореховский задается риторическим вопросом: «Может ли это существовать без изъятия и перераспределения ценности»? (*Ореховский, 2021. С. 34-36*).

Многочисленные данные свидетельствуют о росте концентрации богатства в руках узкого слоя элиты. В частности, в США согласно расчетам Т. Пикетти, и Э. Саеза (Т. Piketty, E. Saez), на которые ссылается П. Кругман, современная концентрация доходов вполне соответствует их концентрации в 1920-е годы., т.е. до проведения Нового курса президента Ф. Рузвельта. Согласно этим расчетам, доля наиболее обеспеченных групп в общих доходах населения США для высших 10% населения составляла в среднем в 1920-е годы 43,6 %, а в 2005 году 44,3%. В эти же годы, но для 1% наиболее богатого населения, доли доходов составляли, соответственно, 17,3 и 17,4 %%. (*Кругман, 2009. С. 22*).

В современных условиях высокий уровень неравенства в рамках «изъятия и перераспределения» находит свое отражение в дезинтеграции социума, его разделении на две принципиально разные составляющие. Описание данной ситуации, вслед за В. Штриком приводит, П. Ореховский. По его словам, основная теоретическая новация, связанная с появлением государства долгов, заключается в том, что кроме граждан, которые «по определению» являются и налогоплательщиками, появляется другая категория физических и юридических лиц – держатели долгов, кредиторы. Первые характеризуются как «государственный народ», а вторых – как «рыночный народ». П.А. Ореховский Капитализм и демократия кредиторов (*Ореховский, 2020. С.187*).

В. Штрик. описывает механизм торможения современного социального государства. «Демократическое государство, управляемое своими гражданами и существующее за их счет в качестве налогового государства, превращается в демократическое государство долгов, как только его существование

начинает зависеть не только от денежных выплат граждан, но в значительной степени и от доверия кредиторов. В отличие от «государственного народа» налогового государства, «рыночный народ» государства объединен на транс-национальной основе. Его представители связаны с национальным государством исключительно узами контрактов – как инвесторы, а не как граждане (*Штрик, 2019. С. 124*).

Отметим вслед за В. Штриком некоторые характеристики современного государства, которые влияют на его отход от традиционного социального государства всеобщего благосостояния. Это, во-первых, увеличение долгов богатых демократий, которое ограничивает их фактический суверенитет, все больше подчиняя правительственную политику указаниям финансовых рынков; во-вторых, приоритет в обслуживании долгов по отношению к государственным услугам и социальной поддержке; в-третьих, объединения жесткой экономии со стимулированием экономического роста. Последнее условие представляется Штреку из разряда задач квадратуры круга. (*Там же. С. 129-137*).

Следует указать и еще на одну фундаментальную причину кризиса социального государства. Речь идет о том, что в условиях новых исторических вызовов патерналистское государство продолжало по-прежнему, ориентироваться по преимуществу на устранение провалов рынка, утрачивая постепенно способность определять общие интересы, формулировать установки развития, что и предопределило реальные угрозы потери общественного благосостояния (*Ананьин, Воейков, Гловели, Городецкий, Гринберг, Рубинштейн, 2018. С. 56*).

1.3. Преодоление неравенства: опыт США

Проблема роста социального неравенства в современном государстве требует всестороннего исследования в том числе и обращения к опыту его успешного преодоления. В этой связи определенный интерес может пред-

ставлять исторический опыт США и теоретическое осмысление проблемы американскими учеными.

Исследуя опыт США в решении проблемы неравенства и создания многочисленного среднего класса в последние сто лет, американский экономист Пол Кругман отмечает решающую роль политических условий в формировании уровня экономического неравенства и, ссылаясь на большое число исследований, выделяет следующие обстоятельства.

Во-первых, средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики администрации Рузвельта – и, прежде всего, мер по контролю над доходами в военные годы.¹ Когда контроль военных лет отменили, можно было ожидать возврата к прежнему неравенству - но относительно равномерное распределение доходов, порожденное политикой Ф.Д. Рузвельта, сохранялось еще более тридцати лет. По мнению П. Кругмана это обстоятельство, свидетельствует, что в отличие от положений, содержащихся в базовых курсах экономики, институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, чем объективные рыночные факторы. Во-вторых, произошедший в середине 1970-х годов захват правыми господствующими позициями в Республиканской партии, привел, начиная с 1980-х годов, к значительному росту неравенства в США. То есть снова все началось с политических подвижек. И, наконец, в-третьих, если раньше большинство экономистов полагало, что главной причиной растущего неравенства в Америке выступает технический прогресс, то по мере более тщательного изучения статистических данных, данная точка зрения утратила популярность. Выяснилось, что даже среди высокообразованных американцев большинство не добились существенного прироста доходов. Основной выигрыш выпал на долю представителей элитного круга - высшего одного процента населения. В итоге среди исследователей утвердилось убеждение, что ключевую роль в росте неравенства сыграла

¹ Специалисты в области экономической истории К. Голдин и Р. Марго, впервые документально подтвердившие этот феномен, назвали его «великим сжатием».

эрозия общественных норм и институтов, которые некогда поддерживали равенство, а это произошло, прежде всего, вследствие «поправения» американской политики (*Кругман, С. 13-15*).

Тестируя свою гипотезу с помощью международных сравнений. П. Кругман исходит из предпосылки, что если рост неравенства в основном определяется объективными рыночными силами, то есть факторами, связанными с техническим прогрессом и глобализацией, то изменения в степени неравенства должны были бы быть схожими во всем развитом мире. Но факты показывают, что нигде в развитом мире нет такого роста неравенства, как в США. Во времена М. Тэтчер в Великобритании резко усилились диспропорции в доходах, но они были гораздо меньшими, чем в США. В континентальной же Европе и Японии неравенство если и выросло, то незначительно (*Piketty, Saez, 2006*). Следовательно, делает вывод Кругман, все дело в политических подвижках (*Кругман, С. 13-15*).

Выводы П. Кругмана, о решающей роли политических условий в формировании экономического неравенства подтверждает редактор популярного издания «Монд дипломатик» Серж Халими. Он утверждает, что механизм западной демократии действует таким образом, что мнение меньшинства превалирует при принятии решений без реальных дебатов. С. Халими ссылается на данные опросов в США, согласно которым, более 50% американцев выступают за то, чтобы государство перераспределяло богатство путем большего налогообложения богатых. При этом данный подход, согласно тому же опросу, разделяют лишь 17% богатых (*Halimi, 2015*).

Лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц, в ходе дебатов по вопросу растущего социального неравенства в США, подводит своеобразное резюме, констатируя, что «история Америки - вкратце такова: богатые богатеют, самые богатые богатеют еще больше, бедные – беднеют, насколько это возможно, а средний класс выхолащивается...» (*Стиглиц, 2015, С. 66*).

Отметим, что к сходной с П. Кругманом мыслительной парадигме в том, что касается важности «неэкономических» факторов в экономической политике, можно очевидно отнести и высказывание академика В.М. Полтеровича, относящегося уже к российской действительности. По его словам, «шоковый характер программы расширения или сужения госсектора в отсутствии проектов и чрезвычайных обстоятельств является признаком того, что она мотивирована скорее идеологической, административной или политической борьбой, нежели стремлением ускорить экономический рост» (Полтерович, 2012. С. 40).

Что касается опыта России, то отметим то обстоятельство, что неравенству как правило сопутствует бедность населения. Сегодня в России, где уровень неравенства один из самых высоких в мире, снижение уровня бедности официально признается в качестве наиболее актуальной задачи. Вместе с тем, по словам известного российского экономиста, бывшего директора Института экономики РАН, Е.И. Капустина, задача обеспечения всему населению доходов не ниже прожиточного минимума или официального уровня бедности – это задача лишь ухода от крайней нищеты и не может быть социальной целью нашего общества на перспективу, которая заключается в обеспечении достойной жизни всему российскому населению (Капустин, 2006. С. 71). Следует согласиться с утверждением Е. И Капустина, что «заниженность прожиточного минимума – это искусственное снижение порога бедности и уменьшение численности населения, относимого на основе этого критерия к беднякам» (Там же, С. 76). Представляется очевидным, что уровень бедности, определяемый нынешним прожиточным минимумом, строго говоря таковым не является. Скорее речь может идти лишь об уровне физического выживания человека, то есть об уровне нищеты. Соответственно официальная статистика масштабов бедности в России фактически занижает реальную ее величину. Не случайно в литературе все чаще встречаются предложения поднять величину прожиточного минимума и, соответственно, минимальную

зарплату работников примерно в два раза – то есть до предполагаемого реального уровня бедности.

Глава 2. Экономика знаний

2.1. Научный и человеческий потенциалы

Перераспределение одна из основ социального государства. Другая основа – производство, то есть создание материальной базы благосостояния.

Вызовы, перед которыми стоит современное социальное государство, включают процессы финансовизации экономики, механизмы торможения, описанные В. Штреком и рассмотренные выше. В несколько иной терминологии современная ситуация характеризуется словами упомянутого нами выше Р. Курца как «утраченная способность к производству новой прибавочной стоимости» (*Джеймисон, 2005. С. 214*). Нам представляется, что восстановление данной способности рыночной экономики в современных условиях и организационных формах возможно лишь с опорой на инновационную экономику или экономику знаний и связанное с ней развитие человеческого потенциала.

Предлагаемый подход опирается на поиск новых форм социально-экономических, производственных отношений, учитывающих объективные условия кардинальных изменений в материально технической базе современной экономики и опирающийся на всестороннее развитие имеющегося научно-технического потенциала. Суть данных изменений все чаще определяются понятием «экономика знаний». Термин «экономика знаний» ввел в оборот Фриц Махлуп (Fritz Machlup) в 1962 г. Первоначально это понятие относилось к соответствующему сектору экономики. Сегодня под ним подразумевается «экономика, базирующаяся на знаниях» или инновационная экономика в целом (*Макаров, 2003*).

Выбор экономики знаний или инновационной экономики как направления развития, особенно актуален для России. Он определяется, прежде все-

го, теми вызовами, которые вытекают из места страны на геополитической карте мира. Это положение диктует необходимый уровень ее политической и экономической независимости и самостоятельности. В тоже время существенное отставание России в экономическом плане, демографическая ситуация требуют поиска и нахождения прорывных решений как социально-экономического, так и технологического характера, опирающихся на понимание глубинных закономерностей развития, перспективных трендов. Россия в силу обретения значительного исторического опыта социальных инноваций, как положительного, так и отрицательного, а также накопленного научно-технического потенциала, традиций российской науки вполне способна, как нам представляется, ответить на отмеченные вызовы.

Способность обеспечивать экономический рост, в рамках современной экономики знаний, определяется, прежде всего, состоянием научного потенциала и наличием механизмов его эффективного использования. Для оценки состояния научного потенциала в той или иной стране и международных сопоставлений, с точки зрения его финансовой составляющей, используется показатель наукоёмкости, данными по которому представлены в таблице 1.

Таблица 1

**ЗАТРАТЫ НА ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ В ПРОЦЕНТАХ К
ВАЛОВОМУ ВНУТРЕННЕМУ ПРОДУКТУ: 2017**

Израиль	4,25
Республика Корея	4,23
США	2,74
Китай	2,11
Россия	1,11
Турция	0,94
Польша	0,97
Украина	0,48

Источник: Индикаторы науки: 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

Данные таблицы 1 позволяют сделать вывод о наличии определенной положительной корреляции между уровнем наукоемкости и уровнем экономического развития страны. В самой верхней части таблицы располагаются высокоразвитые страны (Республика Корея и Израиль), демонстрирующие в последние годы ускоренные темпы развития и делающие ставку на интенсивное использование научных достижений в условиях отсутствия природных ресурсов.

Следует также отметить, что в наиболее крупных высокоразвитых странах показатели наукоемкости, как правило, не достигают наибольших величин в силу масштабов экономики и наличия уже накопленного научного потенциала. На фоне других стран тревожно выглядит скромный показатель наукоемкости в России, учитывая то обстоятельство, что в Советском Союзе наукоемкости ВВП была одной из самых высоких в мире. По данному показателю мы находились на уровне США. В период радикальных реформ его величина в России снизилась почти в 3 раза. В какой-то степени возможно данное положение отражает некоторый негативный среднемировой тренд. Так в последние годы все чаще в литературе встречается утверждение о том, что современные технологии основываются и, можно сказать, эксплуатируют научные достижения фундаментальной (и не только) науки прошлого. Как следствие, речь может идти о замедлении научно-технического прогресса, о недостатке новых прорывных открытий, которые могли бы в будущем стать основой ускоренного развития экономики (Павленко, 2020. С. 57).

Учитывая отставание современной России в области научно-технического развития, практическое значение наукоемкости ВВП не только в качестве информационного, но и нормативного показателя не только сохраняется, но и возрастает. Следует согласиться с положением, что без мощной государственной активности в решении задач инновационного развития не обойтись. Это подтверждается и опытом других стран, добившихся успеха

и вышедших на траекторию инновационного роста, которые сделали это благодаря активному участию и поддержке государства (*Ленчук, С. 35*].

Следует напомнить, что в СССР, где НТП выступал как объект централизованного государственного планирования и прогнозирования, а ускорение НТП рассматривалось как решающее условие повышения эффективности производства, был накоплен большой опыт планирования и прогнозирования НТП. Это позволяло, при всех административно-бюрократических деформациях существовавшей в то время системы реализовывать в процессе формирования и осуществления планов амбициозные и наиболее эффективные варианты развития (*Экономические, С. 150–15*)].

2.2. Новые производственные отношения

В современной специальной литературе все чаще звучит аргументация в пользу тезиса, что экономика знаний формирует новые производственные отношения. Так, развивая анализ корпоративной технотрактуры, термин, как известно, предложенный Дж. К. Гэлбрейтом, К. А. Хубиев рассматривает отношения собственности в рамках корпораций. Понятно, что в условиях вызовов инновационной экономики, корпорации нуждаются в привлечении высококвалифицированного и высокообразованного персонала, занятого инновационной деятельностью. Поскольку такая деятельность создает новые источники доходов для работодателей, возникает вопрос о справедливом распределении доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, состоящих в положении наемных работников. Но инновационная деятельность, результатом которой является приобретение конкурентных преимуществ, и получение дополнительных источников дохода, по мнению К. А. Хубиева не может вместиться в социальные рамки наемного труда. Ее природа требует принципиально иных отношений, предусматривающих участие в процессе и распределении результатов со стороны участников экономических отношений (*Хубиев, 2017. С. 128-130*). При этом данные новые отношения согласуются с тезисом Дж. К. Гэлбрейта, что «власть переходит к

тому фактору производства, который наименее доступен и который труднее всего заменить» (*Гэлбрейт, 2004. С. 95*).

Сходную аргументацию использует в своем анализе современной экономики знаний известный экономист и теоретик менеджмента П. Друкер (P. Drucker). «Знания, пишет он, в отличие от денег, тесно связаны с конкретной личностью. Именно человек всегда остается носителем знания, он создает, наращивает и совершенствует знания, а также применяет, преподает и передает их. Следовательно, с переходом к обществу знаний человек становится ключевой фигурой в этом новом мире (*Друкер, С. 347*).

По мнению К. А. Хубиева на смену отношениям экономической власти и зависимости могут прийти отношения партнерства, когда добавочно получаемый доход от инновационной деятельности агента, делится в определенных пропорциях теперь уже не между принципалом и агентом, а между партнерами. Модернизация экономики на основе инноваций, по его мнению, способна привести к утверждению новых отношений соучастия в общественном производстве и в той мере, в какой будет прогрессировать экономика, в той мере наемная форма труда со все большей очевидностью будет проявлять свою архаичность и неэффективность (*Хубиев, 2017. С. 133-134*). Смелое утверждение. Мы определяем такую экономику как креативно-инновационную. При этом важную партнерскую роль в ее формировании должно играть государство (*Павленко, 2017*).

Развитие экономики знаний, новая роль и положение труда как субъекта инновационной деятельности объективно закладывают институциональные основы интеграции социального государства и инновационной экономики. Инновационная экономика, опираясь на новые производственные отношения, создает тем самым более прочные экономические основания для развития социального государства. В свою очередь современные корпорации, в условиях вызовов экономики знаний, по-видимому, столкнутся с большим контролем со стороны государства и общества в отношении их социальной

ответственности, в установлении новых партнерских отношений внутри корпораций.

2.3. Социально-гуманитарные аспекты

В процессе формирования новой модели экономики меняются не только производственные отношения, но и сам человек, или, если угодно, гражданин. Как отмечает В.С. Автономов, человеческое поведение в экономике также меняется в процессе адаптации к меняющимся условиям окружающей социальной действительности, под воздействием меняющихся общественных норм (*Автономов, С. 32*). В какой то мере отражением данной взаимосвязи служит научно-понятийная практика, когда, во многих экономических исследованиях на смену homo economicus (человек экономический) все чаще приходит homo socioeconomicus (человек социоэкономический) и даже homo culturis (человек культурный) В последнем случае, речь, может идти например, об особенностях поведения человека в сфере потребления, изменении потребительских предпочтений человека в сторону разумного потребления, потребления товаров и услуг более высокого «культурного» уровня, в неприятии потребительского гедонизма (*Павленко, 2021*).

Одним из важнейших социальных институтов, социальных «оболочек», в которых реализуется экономическое поведение человека, служит гражданское общество. Американский социолог А. Гоулднер (A. Gouldner), исследуя исторические механизмы возникновения капитализма отмечает определяющее и даже приоритетное, по сравнению с материально-техническими факторами, значение гражданского общества в начальный, еще в недрах феодализма, период формирования классического капитализма (*Gouldner, 1980*). Важную роль А. Гоулднер придает гражданскому обществу и в современных условиях формирования социально-ориентированной экономики. Иными словами, исторический опыт показывает, что в реальной практике базис и надстройка могут меняться местами с точки зрения приоритетности их статуса и значения для развития экономики. Не только человек и его поведение

меняется в процессе адаптации к окружающей социальной среде, но и социальная среда, социально-экономическая система могут меняться под воздействием активности человека.

В современной обществоведческой литературе наблюдается достаточно интенсивное теоретическое осмысление опыта взаимоотношения индивида, общества и государства. При этом акцентируется внимание и на состоянии современного социального государства. Французский социолог П. Розанваллон (P. Rosanvallon) отмечая, что социальное государство пребывает в кризисе, видит выход в том, чтобы государство эволюционировало, опираясь не как раньше лишь на идею страхования граждан от всевозможных рисков, таких как болезнь, безработица, старость, но на идею гражданства (*Розанваллон, 1997*).

При этом речь у французского социолога идет о трактовке категории гражданства, разработанной английским социологом Т. Х. Маршаллом (T. H. Marshall). Гражданство (citizenship) согласно Т. Х. Маршаллу есть статус, подразумевающий определенные возможности и обеспечивающий доступ к определенным правам, принадлежащим гражданам. Т.Х. Маршалл выделяет три вида таких прав: собственно гражданские права, включающие свободу слова и равенство перед законом; политические права (политическое гражданство) гарантируют право участвовать в осуществлении политической власти в обществе путем голосования или в занятии политических выборных должностей; наконец, социально-экономические права включая права на экономическое благосостояние и социальную защищенность (*A Dictionary, 1998. P. 71-72*).

Реализация вышеобозначенных прав в рамках гражданства ведет, по выражению П. Розанваллона, к преодолению ограничений «пассивного социального государства». В частности, в новом социальном государстве должна развиваться и переходить на более высокий качественный уровень социальная солидарность граждан, одновременно с их участием в принятии решений на основе делиберативной демократии. Последняя предполагает на практике

расширение прерогатив гражданского общества и его влияния на представительную и исполнительную власти через механизмы процедур обсуждения и достижения консенсуса в принятии решений. Речь, в частности, идет о преодолении существующего противопоставления формальных и реальных, социальных и политических прав (*Розанваллон, 1997*).

Отметим, что под делиберативной демократией подразумевается такое направление в теории демократии, которое подразумевает расширение власти гражданского общества и его влияния на представительную власть и администрацию при помощи процедуры обсуждения (*Линде, 2015 С. 57*). Сходную позицию занимает В.М. Ефимов утверждающий, что без радикальной реформы представительной демократии в сторону активного участия рядовых граждан в обсуждении и принятии политических решений, построение стабильного социального государства невозможно, а воспроизведение и обострение социального вопроса становятся неизбежными (*Ефимов, 2016. С. 290-291*).

Представляется, что важнейшей задачей для России сегодня является формирование демократических процедур достижения социального консенсуса вокруг направлений и механизмов социальной политики, которые позволили бы ликвидировать существующие деформации и создать эффективную экономическую модель, способную обеспечить устойчивое развитие и экономический успех (*Павленко, 2012*).

Глава 3. Формы социального государства

3.1. Концепции

Выделим три методологических подхода к представлению и анализу социального государства. Назовём их условно структурно-концептуальный, модельный и институциональный.

В рамках первого, структурно-концептуального подхода, на котором акцентирует внимание Дэвид Гарленд (David Garland) государства всеобщего

благополучия рассматривается как бы «по нарастающей» охвата и интенсивности действия механизмов социального государства.

В рамках первого подхода государство сосредоточено на помощи, или на «благополучии для бедных». Это наиболее узкая, ограниченная концепция, на которую ссылаются в американском политическом дискурсе, когда критикуют «благополучие» или «систему благополучия» за присутствующий в ней элемент иждивенчества.

Второй подход фокусируется на социальном страховании, социальных правах и социальных услугах. Речь в нем идет о Социальном страховании и Медикэр в США; Национальном Государственном Страховании и Национальной службе здравоохранения (NHS) в Великобритании. Сюда же входит государственное образование. Данные базовые элементы государства всеобщего благополучия пользуются неизменной широкой поддержкой у электората.

Третья концепция сосредотачивается на управленческом аспекте, на государственном регулировании экономики, на фискальной, денежно-кредитной политике и рынке труда. В конечном счете, речь в ней идет об обеспечении благополучия компаний и благополучия отдельных граждан.

Дэвид Гарланд предлагает рассматривать упомянутые подходы как своеобразные концентрические круги управления государством, каждый из которых выступает в качестве структурно интегрированного элемента целого. При этом государство всеобщего благополучия трактуется им образно как набор механизмов, тормозов и распределителей, призванный направлять рыночную машину по более социально приемлемому курсу. В его основе лежит пакет социальных средств защиты, призванный изменить и «морализовать» рыночную экономику (*Garland, 2016*).

3.2. Модели

Следует, по-видимому, согласиться с точкой зрения, что нет единой модели социального государства для разных стран и что она во всех странах

разная, в каждой стране своя уникальная система социальной защиты, социальной политики и что каждое из государств представляет собой социальное государство *sui generis* (единственное в своём роде), которое как таковое является продуктом исторических, политических, культурных и экономических факторов (*Rustemi, 2013*)

Вместе с тем многообразие моделей социального государства само по себе не отрицает возможности и даже необходимости попыток их «модельной» классификации. Одну из таких попыток предпринял в ставшей уже классической книге «Три мира капитализма благоденствия», датский социолог Гёста Эспинг-Андерсен (*Gøsta Esping-Andersen*). Эспинг-Андерсен выделяет три разновидности государства всеобщего благосостояния. Для их характеристики и различения он предлагает параметры, характеризующие уровни декоммодификации, затем стратификации общества, и наконец степень государственного вмешательства (интервенции). На основе данных параметров ученый выделяет три типа (режима) современного государства всеобщего благосостояния (*Esping-Andersen, 1996. P. 23-29*).

К первому типу, или по выражению Эспинг-Андерсена, кластеру относится «либеральное» государство всеобщего благосостояния, где льготы предназначены в основном для реципиентов с низкими доходами, в основном относящиеся к рабочему классу, так называемым, «иждивенцам государства». В этой модели масштабы социальных реформ строго ограничены традиционными, либеральными нормами трудовой этики. Пределы благосостояния равны предельной склонности выбирать благосостояние вместо работы. Поэтому правила предоставления прав являются строгими и часто ассоциируются со стигмой, осуждением. При этом государство стимулирует рынок либо пассивно - гарантируя реципиентам только минимум, или активно – путем субсидирования частных программ социального обеспечения.

Данная модель сводит к минимуму эффекты декоммодификации, устанавливает порядок стратификации, который представляет собой смесь относительного «равенства в бедности» среди получателей государственного по-

мощи и рыночно дифференцированного благосостояния для большинства. Между обозначенными группами устанавливается классово-политический дуализм. Архетипическими примерами этой модели выступают Соединенные Штаты, Канада и Австралия.

Вторая, консервативно-корпоративистская модель объединяет такие страны, как Германия, Австрия, Франция. Здесь историческое наследие «корпоративистов-этатистов» было модернизировано, чтобы приспособиться к новой «постиндустриальной» классовой структуре. В консервативных, «компаративистских» государствах всеобщего благосостояния, по словам Эспинг-Андерсена, либеральная одержимость рыночной эффективностью и коммодификацией никогда не была преобладающей. Преобладало сохранение различий в статусе и правах, которые были привязаны к классу и статусу. Корпоративизм был включен в систему государственного строительства, призванного заменить рынок в качестве основного источника благосостояния. Что касается корпоративной социальной политики, то она предусматривает отдельные социальные программы для различных профессиональных и статусных групп в зависимости от трудового вклада.

Наконец третий, социал-демократический модельный кластер, в рамках которого социал-демократы скандинавских стран стремились в рамках государства всеобщего благосостояния, способствовать равенству в отношении высших стандартов, в отличие от равенства минимальных потребностей.

Наиболее показательной характеристикой социал-демократического режима является сочетание благосостояния и труда. Речь идет о приверженности к обеспечению полной занятости. Право на работу имеет такой же статус, что и право на доход. Данная система предполагает минимизировать социальные проблемы и максимизировать доходы трудящихся.

В скандинавской модели, в частности в Швеции, по мере того как государство всеобщего благосостояния «лишает» семьи многих функций по уходу за детьми и домом, оно способствует развитию спроса на дополнительные социальные услуги. Конечным результатом стала почти полная занятость как

среди мужчин, так и среди женщин. Возник самоподдерживающийся механизм, посредством которого расширение рабочих мест в государстве всеобщего благосостояния поощряло женщин и одиноких родителей выходить на рынок труда (*Esping-Andersen, Gallie, Hemerijck, Myles, 2002. P. 184*). Отметим, что ни одна из альтернативных социал-демократической моделей не декларирует полную занятость в качестве обязательства со стороны государства.

В современных условиях финансирование государства всеобщего благосостояния осложняется из-за высокой мобильности капитала, фискальных и бюджетных ограничений, которые усиливают такие факторы как старение населения, европейская валютная интеграция, сопротивление высоким налогам со стороны влиятельных политических сил. В ответ на современные вызовы реакцией шведской модели социального государства является движение в сторону более либеральных решений, связанных с развитием гражданского общества, при которых некоторые обязанности и ответственность, которые до сих пор возлагались на государственную администрацию, начинают брать на себя само общество. Благодаря этому граждане чувствуют себя в большей безопасности, поскольку они сами участвуют во власти и имеют реальное, часто прямое влияние на направления развития общества. При этом стремление поддерживать и укреплять уровень социальной безопасности остается неизменным на протяжении многих лет (*Lieder, 2013*).

Таблица 2.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ (% ВВП) ПО ТИПАМ СОЦИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Годы	Либеральный				Консервативно-корпоративистский					Социал-демократический				
	Великобритания	США	Австралия	Канада	Австрия	Бельгия	Франция	ФРГ	Италия	Нидерланды	Дания	Финляндия	Швеция	Норвегия
2001–2007	36,7	33,4**	34,9	39,5	51,1	49,4	52,7	45,8	47,1	42,2	51,9	47,7	51,3	42,8
2008	40,5	37,0	35,1	38,8	49,9	50,3	53,3	43,6	47,8	42,3	50,4	48,3	49,0	39,6
2009	44,1	41,1	37,8	43,4	54,1	54,2	57,2	47,6	51,2	46,7	56,5	54,8	51,7	45,4
2010	44,5	39,6	37,0	43,1	52,8	53,3	56,9	47,3	49,9	47,0	56,7	54,8	49,7	44,3
2011	43,2	38,6	36,3	41,6	50,9	54,5	56,3	44,7	49,4	46,0	56,4	54,4	49,2	43,1
2012	43,3	37,0	36,6	40,9	51,2	55,9	57,1	44,3	50,8	45,9	58,0	56,2	50,2	42,3
2013	41,4	35,5	36,5	40,0	51,6	55,8	57,2	44,7	51,1	45,7	55,8	57,5	50,9	43,3
2014	40,5	35,0	36,8	38,4	52,3	55,3	57,2	44,0	50,9	44,9	55,2	58,1	50,1	45,1
2015	39,7	34,6	37,4	40,0	51,0	53,7	56,8	43,7	50,3	43,8	54,5	57,1	48,7	48,0

2016	38,9	35,0	37,4	40,6	50,2	53,0	56,6	43,9	49,0	42,8	52,7	55,9	48,8	49,9
2017	38,4	34,8	36,4	40,3	49,0	52,2	56,5	43,9	48,9	42,6	51,2	54,0	48,4	49,1
2018	38,3	35,1	36,8	40,6	48,5	52,1	56,2	43,9	48,5	42,4	52,2	52,8	48,7	47,7
2019	38,3	35,7	37,4	40,7	47,8	51,9	55,7	44,3	49,2	43,4	52,1	52,1	48,8	47,8
2020	38,2	35,9	36,6	40,7	48,2	51,8	54,4	44,3	49,9	43,5	51,7	51,8	49,0	47,4

Источник: Клинова М. В. Государство-покровитель: социальное государство на перепутье Современная Европа, 2019, №2, С. 151–162.

Как видно из данных таблицы 2, в англосаксонских странах доля государственных расходов к ВВП существенно ниже, кроме того, практически во всех представленных в таблице странах наблюдается повышение доли госрасходов в ВВП в периоды циклических спадов. Это с наибольшей силой проявилось в 2008–2009 гг.

3.3. Институты

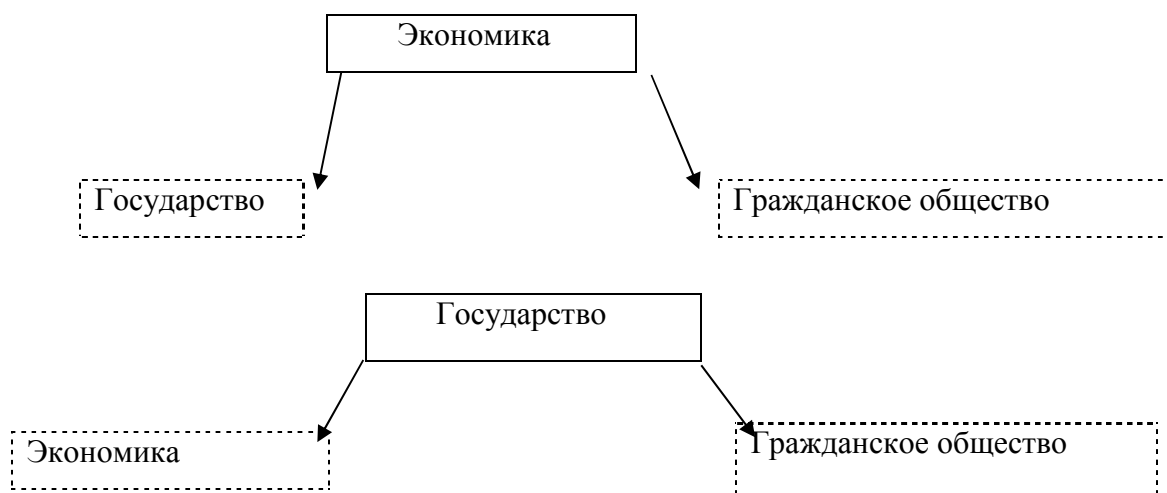
Более четкое представление глубинных основаниях механизмов функционирования описываемых выше моделей социального государства и их эволюции дает их рассмотрение в рамках институционального подхода, в контексте взаимодействия трех элементов: государства, экономики и гражданского общества.

Американский социолог Эрик Олин Райт (Erik Olin Wright) акцентирует внимание на властной стороне, властном потенциале каждого из элементов. При этом экономическая власть основывается на экономических ресурсах, контролируемых и используемых различными социальными субъектами в производстве и распределении.

Власть государства в предлагаемом им контексте определяется его способностью устанавливать правила и регулировать социальные отношения на определенной территории. Данная способность зависит от наличия таких элементов, как информация и коммуникационная инфраструктура, идеологическая готовность граждан подчиняться правилам и приказам, степень дисциплинированности государственных чиновников, соответствие правил или законов решаемым проблемам, а также способности к принуждению. Нако-

нец власть в гражданском обществе зависит от способности к коллективным действиям в рамках свободных добровольных объединений как формального, так и неформального типа.

Олин Райт выделяет три идеально-типических формы, представляющие относительное преобладание власти во взаимодействии трех описанных элементов, определяя их соответственно (но не очень благозвучно) как: экономизм, государственничество и ассоциационализм. При этом, экономизм — социальный порядок, при котором распределение и использование ресурсов для различных социальных целей наиболее действенно определяются осуществлением экономической власти (то есть экономика преобладает над государством и гражданским обществом). Государственничество — социальный порядок, при котором распределение и использование ресурсов для различных целей наиболее сильно определяются осуществлением государственной власти (то есть государство преобладает над экономикой и гражданским обществом). И, наконец, ассоциационализм — социальный порядок, при котором распределение и использование ресурсов для различных целей наиболее сильно определяются осуществлением власти, связанной с гражданским обществом (то есть гражданское преобладает над экономикой и государством) (Олин Райт, 2005).

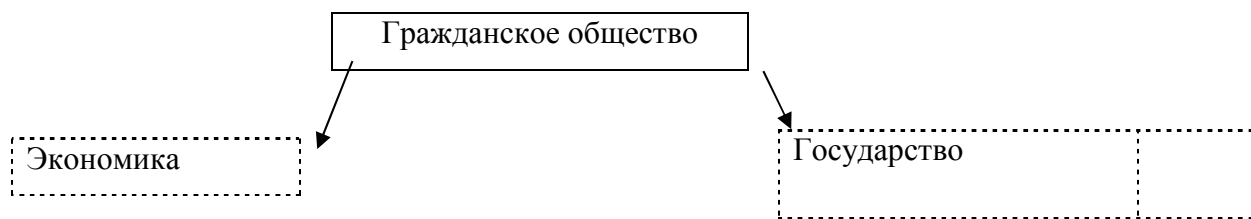

Рис. 1. Макроформы властных отношений

Властное преобладание в каждой из отмеченных идеально-типических форм основывается на определенном сочетании прямого и косвенного преобладания. Данные формы схематично изображены на Рис. 1, где стрелками обозначается «преобладание», то есть относительная власть над использованием и распределением людских и материальных ресурсов; пунктиром обозначается «относительно проницаемая граница», то есть власть других сфер оказывает существенное влияние на осуществление власти внутри сферы и, наконец, сплошной линией на таблице обозначается «относительно непроницаемая граница», где власть внутри сферы не испытывает существенного влияния власти других сфер.

Представляется вполне логичным и обоснованным «привязать» представленные макроформы властных отношений к перечисленным выше моделям социального государства, соответственно: к неолиберальной, консервативно-компаративистской и социал-демократической моделям. Тем самым создать методологический институциональный каркас для дальнейшего изучения эволюции социального государства на основе институционального взаимодействия его основных элементов: собственно государства, экономики и гражданского общества.

Хотелось бы надеяться, что эволюция современных социально-экономических систем будет развиваться в направлении социал-демократической модели социального государства. Актуальность и желательность такого вектора развития разделяют многие экономисты и социологи, в частности Дж. Стиглиц. Последний в рамках своей концепции, именуемой «прогрессивный капитализм», формулирует некоторые направления вы-

хода из кризиса современного социального государства, которые предполагают, среди прочего, во-первых, восстановление баланса между рынком, государством и гражданским обществом. Государство, при этом, обязано ограничивать и формировать рынки. Во-вторых, «прогрессивно-капиталистические» реформы, по словам Стиглица, должны начинаться с сокращения влияния денег в политике и уменьшения неравенства в распределении богатства (Stiglitz, 2019).

3.4. «Пекинский консенсус»

Говоря о социальном государстве и его моделях, нельзя не упомянуть об опыте Китая в рамках рассматриваемой проблемы. Не исключено, что на каком-то этапе китайскую модель удастся вписать в рассматриваемые схемы. По мнению ряда западных экспертов успех китайской экономической модели в значительной степени состоит в том, что в Китае удалось выстроить социально ориентированную институциональную структуру, объединяющую специфическим образом государство и экономику. При этом китайский государственный капитализм (или социализм с китайской спецификой, как предпочитают выражаться китайские официальные лица), представляет собой иерархическую систему или пирамиду, на верху которой располагаются партия и правительство, ниже - государственные и частные работодатели и еще ниже массы так называемых трудящихся: служащие, рабочие и крестьяне. Государство занято мобилизацией частных и государственных ресурсов, сосредотачивая их на решении приоритетных социальных и экономических проблем, таких, например, как ликвидация бедности. Ключевым моментом, на который опирается китайская модель является, по мнению некоторых экспертов, то, что экономические цели быстрее достигаются, если первоочередное внимание их достижению уделяют доминирующие в государстве социальное-политические институты (партия и правительство Китая). Последние,

в свою очередь, способны мобилизовать максимум ресурсов развития, как частных, так и государственных (Wolff, 2020).

При рассмотрении опыта экономического развития Китая, используется такое понятие как «Пекинский консенсус». Одним из первых западных аналитиков, заявивших о становлении специфической китайской модели, кардинально отличной от всех иных, но пригодной, по его мнению, при определенной адаптации, и для других стран, был Джошуа Рамо (Joshua Ramón), консультант инвестиционной компании Голдман Сакс и профессор пекинского университета Цинхуа. Рамо назвал новую китайскую модель «Пекинский консенсус» по аналогии с получившим распространение в 90-х годы неолиберальным «Вашингтонским консенсусом». Как известно «Вашингтонский консенсус» включает в себя меры по либерализации внешней торговли, приватизации государственных предприятий, дерегулированию экономики, сокращению государственных ассигнований в том числе и на социальные нужды. В долгосрочном плане механизмы политики «Вашингтонского консенсуса» как правило приводили к отрицательным последствиям для экономик применявших их стран. «Пекинский консенсус», по словам Дж. Рамо, ориентирован, во-первых, на инновации, во-вторых, на устойчивое, сбалансированное и качественное развитие и, в-третьих, на самоопределение, то есть на независимость в выборе экономической модели (Ramón, 2004).

В рамках «Пекинского консенсуса» большое значение придается социальным аспектам развития. Тем проблемам, которые решаются в рамках традиционного социального государства. Примечательно, что согласно результатам опроса общественного мнения среди граждан Китая, проведенного журналом «Женьминь луньтан» («Народная трибуна») важнейшими направлениями дальнейшего совершенствования «китайской модели» респонденты признают «совершенствование системы общественного распределения и сокращение социальных различий между богатыми и бедными» (81,3 %), «ускорение реформ в здравоохранении, образовании и жилищной сфере» (78,7 %), «совершенствование системы общественного финансирования,

укрепление сферы оказания публичных услуг» (61,7 %), «отказ от двойственного подхода, то есть согласованное развитие города и деревни» (58,5 %) (Бергер, 2009. С. 60).

Заключение

1. Среди экспертов, исследующих феномен социального государства, или государства всеобщего благосостояния доминирует представление, которое мы также разделяем, что государство всеобщего благосостояния — это не проблема выбора той или иной политики, которую мы можем принять или отклонить, и речь не идет о только о послевоенном периоде. Государство всеобщего благосостояния важнейшая характеристика современного государства, неотъемлемая часть экономического и социального благополучия современного общества. Это, то, что социолог Эмиль Дюркгейм назвал «нормальный социальный факт», или функционально важный и неотъемлемый элемент существования социума и его благополучия (Garland, 2016. P. 146).

2. Модели социального государства могут принимать самые разные формы. Но при этом, говоря о социальном государстве, мы имеем в виду не только и не столько благосостояние бедных. Речь идет социальном страховании, социальных правах, социальном обеспечении и социальном регулировании экономической деятельности. Главными бенефициарами такого государства являются не бедные, а средний класс и занятые. Не случайно значительная часть «рыночного народа» Штрека С. (речь идет прежде всего о среднем бизнесе) одновременно является и «государственным народом», значит, их интересы связаны не только с надежным обслуживанием государственного долга, но и, возможно, даже в большей степени, с поддержанием действующей системы государственных услуг (Штрик, 2019. С. 129-137).

3. Государство всеобщего благосостояния связано не только с государством или государственными учреждениями, хотя его программы законодательно закреплены и финансируются государством и зависят, по большей ча-

сти, от налогообложения и правового принуждения. Услуги и льготы, предоставляемые в рамках этих программ, необязательно должны создаваться и предоставляться государством. Речь идет о своеобразных механизмах государственно частного партнерства.

4. Современное социальное государство подвергается вызовам, связанным с глобализацией, кризисными явлениями в мировой экономике. Ответы на эти вызовы мы связываем с возможностями социал-демократической модели, с ее поступательным и последовательным развитием, с активностью гражданского общества, с всесторонним развитием человеческого потенциала и экономики знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Автономов В.С.* (1998). Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа.
2. *Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* (2018). На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна. – М.: ИЭ РАН.
3. *Бергер Я. М.* (2009). Экономическая стратегия Китая. - М.: ИД Форум.
4. *Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О.* (2008). К созданию институциональной политической экономии. Экономическая социология. Т. 9. No 3. Май. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sozdaniyu-institutsionalnoy-politicheskoy-ekonomii>

5. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда (2014). Под общей редакцией: В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников М.: ИД ВШЭ.
6. *Галкин А.А.* (2010). Социал-демократия у развилки // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С.
7. Германия. Вызовы XXI века (2009) // Под. ред. В.Б. Белова – М.: Весь Мир.
8. *Гриценко Н. Н.* (2005). Социальное государство // Социальная политика: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. д. э. н. проф. Н. А. Волгина; отв. ред. д. ф. н. Т. С. Сулимова. М.: Академический проект; Трикста.
9. *Гэлбрейт Дж. К.* (2004). Новое индустриальное общество. М.: АСТ.
10. *Джеймисон Ф.* (2005). Реально существующий марксизм // Логос № 3(48) С. 208-246.
11. Друкер П. Ф. (2004). Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс.
12. *Ефимов В.М.* (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.
13. *Загладин Н.В.* (2010). Кризис социал-демократии или политических идеологий современности? // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С.
14. Индикаторы науки: 2019 (2019): статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ.
15. *Капустин Е.И.* (2006). Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука.
16. *Клинова М. В.* (2019). Государство-покровитель: социальное государство на перепутье // Современная Европа. №2. С. 151–162.

17. *Кругман П.* (2009). Кредо либерала. М.: Европа.
18. *Ленчук Е.Б.* (2018). Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками // Вестник Института экономики Российской академии наук. №1. С. 27-39.
19. *Линде А.Н.* (2015). Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов. // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование Выпуск 1.
20. *Макаров В.Л.* (2004). Экономика знаний: Уроки для России // Россия и современный мир. № 1. С. 5-24.
21. *Олин Райт Э.* (2005). Принимая социальное в социализме всерьез // Логос № 3 (48). С. 182-207.
22. *Ореховский П.А.* (2020). О книге В. Штрика «Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма» // Вопросы теоретической экономики. № 3.
23. *Ореховский П.А.* (2021) Старые дискуссии на новый лад и скука экономической науки // Гетеродоксальная экономика и экономический. Сборник тезисов докладов участников XIV Пущинского симпозиума по эволюционной экономике / Отв. Ред. С.Г. Кирдина-Чэндлер, В.И. Маевский М.: ИЭ РАН. С. 34-36.
24. *Осадчая И. М.* (2001). Рынок и государство. Что нового в государственном регулировании экономического развития стран? // Наука и жизнь. №10.
25. *Павленко Ю.Г.* (2021). Социальное государство. В поисках механизмов возрождения // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 35-44.
26. *Павленко Ю.Г.* (2012). Социальные механизмы успешного развития // Современные проблемы экономической теории и практики (Сб. докладов РЭК под. ред. И.Ю Ваславской, Ю.Г. Павленко). – М. ИЭ РАН.

27. *Павленко Ю.Г.* (2017). Формирование эффективного государства: политико-экономический анализ // Вестник Института экономики РАН. № 4.
28. *Павленко Ю.Г.* (2020). Экономические проблемы научно-технического прогресса в исследованиях института экономики РАН // Вестник Института экономики РАН. № 2.
29. *Полтерович В.М.* (2012). Приватизация и рациональная структура собственности. М.: ИЭ РАН.
30. *Розанваллон П.* (1997). Новый социальный вопрос: переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М.: Ad Marginem.
31. *Стиглиц Д.* (2015). Цена неравенства. М.: Эксмо.
32. *Храмцов А. Ф.* (2010). Социальное государство и кризис социал-демократии Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С.
33. *Хубиев К.А.* (2017). Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд? // Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под. ред. Бодрунова. М.: Культурная революция. С. 114-156.
34. *Шестакова Е.Е.* (2019). Современное социальное государство: патрон или помощник? // Вопросы теоретической экономики. № 2.
35. *Штрик В.* (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: ИД ВШЭ.
36. Экономические исследования института: итоги и перспективы. (2000). М.: ИЭ РАН.
37. *A Dictionary of Sociology.* (1998). New York: Oxford University Press.
38. *Esping-Andersen G.* (1996). The Three Worlds of Welfare Capitalism. Polity Press. Cambridge.

39. *Esping-Andersen G., Duncan G., Hemerijck A., Myles J.* (2002). *Why We Need a New Welfare State*. Oxford University Press.
40. *Garland D.* (2016). *Welfare State: A Very Short Introduction*. Oxford University Press. New York.
41. *Gouldner A.* (1980). *The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. London: The Macmillan Press Ltd.
42. *Nachtwey O.* (2018). *Germany's hidden crisis: social decline in the heart of Europe*. Brooklyn: Verso.
43. *Sinn H.-W.* (2005). *Ist Deutschland noch zu retten?* Berlin.
44. *Gluckstein D.* (2016) *The rebirth of social democracy* International Socialism. Issue 151. URL: <http://isj.org.uk/the-rebirth-of-social-democracy/>
45. *Halimi S.* (2015). *Politics as an elite sport* // *Le Monde diplomatique*. June.
46. *Piketty T., Saez E.* (2006). *The Evolution of Top Incomes: A Historical and International Perspective* (National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 11955, January).
47. *Ramón J.* (2004). *The Beijing consensus*. // London: Foreign policy Centre. URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2006/09/244.pdf>
48. *Rustemi A.* (2013). *The ideology behind the welfare state* // *International Journal of Scientific & Engineering Research*. Volume 4. Issue 2. February.
49. *Lieder W.* *Szwecja - opiekuńcze państwo dobrobytu*
URL: <https://www.academia.edu/8318047/>)
51. *Stiglitz J.* (2019). *After Neoliberalism* Project Syndicate URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/after-neoliberalism-progressive-capitalism-by-joseph-e-stiglitz-2019-05>.
52. *Wolff R.* *Socialist or capitalist: What is China's Model, exactly?* URL: <https://www.counterpunch.org/2020/08/24/socialist-or-capitalist-what-is-china's-model-exactly/>